

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

© Алексей Алексеевич БУРЫКИН

Словарный отдел Института лингвистических исследований
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник, e-mail: albury@rambler.ru

Посвящено рассмотрению происхождения русских фразеологизмов. Доказывается, что по какой-то причине в их осмыслении возобладал не фразеологический подход, требующий анализа сочетаний в целом, а лексический подход – толкование слова, принимаемого за стержневое слово фразеологизма. При рассмотрении трех фразеологизмов предлагается их этимология, не отмеченная ни одним фразеологическим словарем. Убедительно доказывается, что фразеологизм *Олух царя небесного* – устойчивое сочетание, являющееся полукалькой тюркского титула *ulu tängri qayan* – «великий небесный царь», где первый компонент оказался заимствованным, а второй и третий – переведенными. Фразеологизм *Пирог с котятами* заставляет задуматься о причинах того, почему пироги в этой идиоме – именно с котятами, а не с котом, не с кошкой, не с котенком, и почему предметом начинки такого пирога стали именно котята, что объясняется иноязычным влиянием. Идиомы *До фени / до феньки, до фонаря, до лампочки* связаны с символикой начальной буквы алфавита в дореформенном написании до 1918 г., которая считалась неприличной и является эвфемистическим синонимом тождественной по значению идиомы с обценным компонентом. Приводятся иллюстрации примеров из текстов художественной литературы.

Ключевые слова: русские фразеологизмы; происхождение идиомы; лингвокультурологический комментарий.

Олух царя небесного

Идиома *олух царя небесного* фиксируется в русских текстах начиная с первой трети XIX в. Вот некоторые примеры:¹

«Зачем же хитрить со мною? Или вы читаете меня за такого олуха царя небесного, что я не замечу хлеба в печи и стану ее топить?» А. Бестужев-Марлинский. Статьи, 1826.

«Что бы я был за олух царя небесного, когда бы стал убирать постную катку, когда перед самым носом вареники в сметане?» Н. Гоголь. Страшный кабан, 1839.

«Знаю, ведь он такой олух царя небесного; даже прекрасного, шельма, не понимает; идет все понурый, на женщину никогда не

взглянет, а женщины на него как муха на мед». Н. Лесков. Обойденные, 1865.

«...Сергей молодецки кашлянул и крикнул: «Ну вы, олухи царя небесного! Сыпь, не зевай, гребла не замай; будут вершки, наши лишки». Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда, 1864.

«Ну что, олух царя небесного, экзамена не выдержал» – поздоровался он с ним. «Не выдержал-с». М. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы, 1869.

«Остались только годовые, – кухарка, старик-караульщик, прозванный Жмыхом, да малый Оська, «олух царя небесного». И. Бунин. Деревня, 1910.

«А тут еще и эти олухи царя небесного, которые с ним-то, дразнить его станут: «Что он тебе – мамаша аль супружница?» Е.И. Замятин. Непутевый, 1913.

«Конечно, надо быть олухом царя небесного, чтобы лезть в Болгарию десантом! Ей-

¹ Источником примеров является электронный ресурс «Библиотека лексикографа», разрабатываемый автором в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

богу, в штабах у нас оч-чень неглупые люди сидят». С. Сергеев-Ценский. Лютая зима, 1936.

Выражение *олух царя небесного* встречается и в современной литературе:

«Дядя Петя сапогом грохочет в дверь к студентам. «Вставайте, олухи царя небесного! Великий Сталин умер!» Вас. Аксенов. В поисках грустного бэби.

«Оратор! – изничтожал я себя. – Олух царя небесного! Еще стишки бы почитал, песенки продекламировал...» Викт. Астафьев. Последний поклон.

Отмечен даже шуточный перевод этой идиомы на латинский язык: «В письмах Александр обращался к брату так: «Толстобрюхий отче Антоние», или: «Глубокочтимый и достопоклоняемый братец Антон Павлович!». Но рядом: “Regis coelesti oluchus” – остроумие, забавлявшее в 80-х годах наших отцов». Б. Зайцев. Чехов.

В изучении исторической перспективы и происхождения данной идиомы по какой-то причине возобладал не фразеологический подход, требующий анализа сочетаний в целом, а лексический подход – толкование слова, принимаемого за стержневое слово фразеологизма.

В словаре М. Фасмера статья *олух* оказывается по сути самостоятельной, хотя в ней и упомянуто выражение *олух царя небесного* [1, т. 3, с. 236]. М. Фасмер в толковании этого слова присоединяется к мнению А.И. Соболевского, выведившего его из *волух* «Воловий пастух» с ремаркой «невероятно и происхождение из чагат. *aluk* «поглупение, отупение, растерянность» с отсылкой на мнение Ф.Е. Корша, зафиксированное в словаре А. Преображенского, у которого приведено мнение А.И. Соболевского и соображения Ф.К. Корша (полученные письменно) [2, с. 647-648]. Однако же в начале статьи отмечается: «неизвестного происхождения».

Любопытное и бесполезное дополнение к рассуждениям М. Фасмера содержится в словаре Е.Н. Шиповой: «олух, м., разг., бран. дурак, болван, простофиля, неуч. Нордстет, 1782 олух; Даль, 2, 672; Ушаков, 2, 803 (Сл. Акад., 1959, 8, 849)». Фасмер приводит этимологию слова по Соболевскому из *волух* от *вол*, т. е. воловий пастух, также еще менее, по его мнению, удачна этимология из *оглух*, напр. в ущр. *оглух тот, кто плохо слышит*.

«Невероятно и происхождение из чаг. *aluk* ‘оглупение, отупение, растерянность’ (Корш у Преобр., 1, 647 и сл.)» (Фасмер, 3, 136). Ср. Радлов улук (каз., тел.) дурной, негодный, незнающий) (1, 1694). Это слово, возможно, является антонимом *улук* (тар.; уйг.; чаг.) великий, большой [3, с. 250].

По-видимому, поиски этимологии выражения *олух царя небесного* при данном подходе к этимологическим решениям относительно слова *олух* оказываются бесперспективными. Хотя гипотеза А.И. Соболевского выглядит корректной и ставит предполагаемый этимон – лексему *волух* в один ряд с конох, *свинтус* из *свинтух* (приведено у А. Преображенского), ср. еще *овчух* «овечий пастух». Однако сдвиг ударения на первый слог в производных от корня *вол* не может получить объяснения. Данный факт объясняется тем, что непроемная лексема *вол* имеет ударение на флексии (парадигма В в акцентологической классификации), а все производные – ударение справа от корня, ср: *волovina*, *волобий*. Кроме того, вторая часть идиомы – *царя небесного*, не имеющая синонимов, вообще не поддается истолкованию.

В «Древнетюркском словаре» отмечено слово *uluγ* «большой, старший, великий сильный, большой высокий» [4, с. 610], в этой же статье приведено словосочетание *uluγ tängri* «великий Бог».

Содержательная подборка примеров на идиому *олух царя небесного* и слово *олух* была дана еще М.И. Михельсоном [5].

Есть основания полагать, что словосочетание *олух царя небесного* является полукалькой тюркского титула *uluγ tängri qaγan* – «великий небесный царь», где первый компонент оказался заимствованным, а второй и третий – переведенными. Подобные примеры тюркских компонентов в лексике и идиоматике не единичны, ср. *белиберда* из тюрк *bilim berdim* «Я передал знание»¹ (видимо, заключительная фраза посольской речи) (У Фасмера т. 1, с. 148 – без этимологии с пометой «темное слово»), ни *бельмеса* – с тат. *белмес* «может быть, он не знает» – форма сослагательного наклонения на с – от глагола *bel* – знать, превратившегося в татар-

¹ Независимо от автора данной статьи эта же этимология была предложена д. филол. н. О.А. Мудраком (Институт языкознания РАН).

ском языке в *бил-*, с показателем отрицания *-ме-*. [1, т. 3, с. 149-150].

Имеется еще целый ряд очень старых ориентализмов, не фиксировавшихся в письменных источниках на протяжении столетий, но сохраняющихся в русском просторечии: *хана, кранты, окочуриться, кильдым*, возможно и др. [6, с. 11, прим. 11].

Пироги с котятми

Идиома *Пироги с котятми* со значением «что-то неприятное, нелогичное», в отличие от выражения *Олух царя небесного* фиксируется исключительно современными текстами. Они могут быть разделены на несколько групп.

1. Примеры, потенциально являющиеся расширением идиомы *вот такие пироги*: ср. «Вот такие пироги с котятми... Хренотень, мягко говоря, продолжалась. За пять минут опроса выяснилось, что сбор не играл ни дож, ни вахтенные, ни бертольеры». А. Бушков. *Сварог 7 – Чужие паруса*.

«Вот такие, брат, пироги с котятми. – Тим по новой зевнул, сполз головой на подушку и трудно приоткрыл красные, слипающиеся глаза». Дм. Вересов. *Сердце Льва*.

«(<Юрий> Поднял рюмку, выпил, ест, смотрит на Матвея, сидящего без движений). Вот такие пироги с котятми, ага? Ну, бывают же в жизни совпадения!» Н. Коляда. *Вор*.

«Естественно, возбуждены уголовные дела – ...сразу по нескольким статьям. В том числе и о покушении на ваше убийство, Любовь Петровна. Вот такие пироги с котятми. – Никита бросил быстрый взгляд на наручные часы». Ольга Опалева. *Маросейка, 12*.

«Ах вот какие пироги с котятми. Коллеги, что ли? В разведшколе ЦРУ, понимаете ли, вместе обучались, а потом судьба развела». В. Рыбаков. *Человек напротив*.

2. Примеры, где при преобразованиях идиомы форма *пироги* заменяется на *пирожки*:

«Жизнь такая. Опять же... жена, может, вернется... Вот такие, родной, пирожки... с котятми. Проще надо». Вадим Леванов. *Артемида с ланью*.

«А я про него забыл, – Кравченко сплунул, – вот такие, Серега, пирожки с котятми». Татьяна Степанова. *Темный инстинкт*.

3. Примеры, где компоненты идиомы *пироги с котятми* принадлежат разным

участникам диалога: «Эх-х-х! – вздохнула почтальонша. – Всяко бывает. Человек предполагает, а судьба смеётся. Вот такие пироги... – С котятми! – добавил отец. – Где тут расписаться?» Б. Алмазов. *Деревянное царство*.

4. Примеры, где реализуется синтагматическая связь между сходными фразеологизмами: «Писатель. Сказки. Никогда в жизни не сочинял сказок. Из чего они вообще сочиняются? Жил-был Царь... Нет, не то. Жили-были рыжие летучие сосиски... Опять не то... А, вот! Жил-был суп с котом и пироги с котятми... Тьфу ты, ерунда какая-то получается...». Ксения Драгунская. *Целоваться запрещено*.

Последний пример послужил основой для опыта толкования этой идиомы: ср. «Почти пироги с котятми... нечто столь неприемлимое, что оно если и бывает, то когда-нибудь потом. Конечно, когда на вопрос «А что потом?» – отвечают: «Суп с котом». Это во многом обусловлено глубокой рифмой, но ведь рифм много, а устойчивый ответ – один. И не будь это словосочетание столь невозможным, оно никогда бы не прижилось в языке. Такие, вот, пироги с котятми... парадокс». А. Легостаев, Св. Логинов. *Кухонные фразеологизмы*.

Имеется группа примеров, где сложное именование *пироги с котятми* соотносится с ситуацией продажи пирожков в общественных местах: «Именно вот бурчало, как иной раз бурчит в животе, когда на вокзале где-нибудь слопаешь так называемый пирожок «с котятми». Серг. Иванов. *Не стрелять...*

«Среди строительного хаоса, примостившись у рельсов, закутанная тетушка в белом переднике продавала пирожки, словно в городе на углу; из алюминиевых кастрюль, накрытых марлей, шёл вкусный пар. – С чем пирожки? С котятми? – С котятми, сынок!.. Гар-р-рячие, кому, с мясом!..» Анат. Кузнецов. *Огонь*.

«А так... какой-то Чикаговавилон для иногородних с сильно выраженной азиатчиной, в котором родного, московского, – ни на грош. Ах, где вы, пирожки с котятми, кружка пива на углу Кривоколенного переулка, знаменитый сумасшедший с улицы Горького...». Вяч. Пьецух.

Внимание к парадигматике фразеологических единиц заставляет задуматься о причинах того, почему пироги в этой идиоме – *именно с котятками*, т. е. не *с котом*, не *с кошкой*, не *с котенком*, и почему предметом начинки такого пирога стали именно котята. Одна из напрашивающихся гипотез тут – иноязычное влияние, присутствующее в точке дискурса, соотносительной с появлением уличных пирожков.

Можно думать, что изначально обозначением начинки рыночных пирожков, которые по ситуации никогда не съедают те, кто их выпекает или продает, послужило татарское *катнаш ит* «смешанное мясо». Вспоминается реплика Меншикова из фильма «Петр Первый» и похожий текст в одноименной пьесе А.Н. Толстого «Меншиков. Эх, эх, эх, эх!». С пылу, с жару, на грош пару... Расхватавай, новые принесу... А вот пироги с зайчатиной, со всякой всячиной, с требухой, с мясом, запивай кислым квасом...». Тут требуха – как раз и есть *катнаш ит*, смешанное мясо. Сами татарские слова вызывают ассоциации с кот, *кот наиш*, а формы *кат ит* – с котятками. Напрашивается лингвокультурный комментарий – московиты явно не жаловали продукцию татарских торговцев пирожками.

Можно думать, что выражение *пироги с котятками* вошло в узус в качестве замены эвфемистической идиомы, данной в словаре М.И. Михельсона как *пироги с горохом в рот*, отмеченного у Л. Толстого («Власть тьмы») [5], чаще имеющей форму *в рот (ситного) пирога с горохом*. Эта редкая идиома встречается в обсуждениях пьесы Л. Толстого (И. Анненский, В.П. Буренин, А.К. Черткова) и у других авторов первой половины XX в. (С.Т. Григорьев, И. Наживин, К. Петров-Водкин), с последней фиксацией в историческом романе А.И. Соколова «Меншиков» (1993).

До фени ~ до феньки, до фонаря, до лампочки

Предложные разнородные сочетания, характеризующие безразличное или пренебрежительное отношение говорящего или объекта речи к каким-то предметам, действиям или событиям, образуют синонимический ряд [7, с. 145]. В чем причина объединения в синонимичных идиомах наименований осве-

тительных приборов? Заметим, относительно новых, очевидно, связанных с электричеством, ни свечи, ни подсвечники, ни лампы в составе таких фразеологизмов не присутствуют. Иллюстративный материал на все указанные идиомы в целом не выходит за границы второй половины XX в. Нам не удается обнаружить интересующие нас выражения ни у авторов XIX в., ни в произведениях начала XX в.

До лампочки: «А если мы в режиме, значит, на девочек и не гляди, а после игры и самому тебе все до лампочки». Вас. Аксенов. Аврора Горелика.

«Название возникло в голове сразу: «От Ильича до лампочки» с подзаголовком: «Учебник истории советской и антисоветской власти для слаборазвитых детей». Интересно, что ни один иностранец не «врубается» в суть названия. Объяснение, что все начинается от рождения Ильича, что так назывались электрические лампочки в период «электрификации всей страны», что есть известное русское выражение «до лампочки», не помогает». Арк. Арканов. Вперед в прошлое.

«Ладно... Не унывай, мальчики. А ты, дед, чего, а? Пей! А мне до лампочки... – Так он чего, – спросил Куров, – отпустил его начальник-то? – А мне до лампочки... Кого?» Вас. Белов. Привычное дело.

«Н-да, успокоили, называется, старика... Ему наши жалости – до лампочки». Ю. Бондарев. Тишина.

«Даже записал мои слова о незаконных методах следствия в тридцать седьмом году. Тогда я еще не знала выражения «до лампочки». Но ему безусловно все было именно до нее». Евгения Гинзбург. Крутой маршрут.

«И все, видишь, ухитряются этого не замечать! Им до лампочки, Федька. Абсолютно до лампочки всем, что кто-то там...». В. Дудинцев. Белые одежды.

Зафиксированы примеры со сравнительным оборотом: «Они продолжали меня поносить, а мне было до них как до лампочки». Георгий Эфрон. Дневники.

«Я таскал ее этюдник, а когда она зарисовывала какой-нибудь старый особняк, стоял возле нее, любясь не архитектурой, до которой мне было как до лампочки, а Элой как таковой». В. Шефнер. Лачуга должника.

В одном случае идиома *до лампочки* присутствует в контаминации с глаголом в переносном значении: «Скажут, что я нарочно поддался. А мне плевать до лампочки!» Л. Кассиль. Будьте готовы, ваше высочество.

До фонаря: «Отвращения, заметим, чисто эстетического, потому что политика мне до фонаря». Дм. Быков. Блуд труда.

«Ты все это в прокуратуре, говори, нам – до фонаря...». А. Вайнер, Г. Вайнер. Эра милосердия.

«А народные страдания им как-то до фонаря». М. Веллер. Перпендикуляр.

«И это не сегодняшние демократические денечки, когда говори, что хошь, всем до фонаря». Людм. Гурченко. Аплодисменты.

«Скучно. Грязно и душно. Впрочем, плевать мне, мне все – до фонаря». Ю. Ряшенцев. Метро.

«...ей эти мои книжки – до фонаря». В. Шукшин. Из детских лет Ивана Попова.

До феньки: «Да нет, мамаша, какая вы непонятливая, – досадливо сказал Глеб, – просто красивый лицом и одеждой и внутренне собранный, которому до феньки все туры на колесах». Вас. Аксенов. Затоваренная бочкотара.

«Мне эти санитарные жалости до феньки! Ясно, Леночка?» Ю. Бондарев. Последние залпы.

«До феньки мне ваша музыка». Д. Гранин. Картина.

До фени: «Вот начальнички все эти твои мне до Фени». А. Адамов. След лисицы.

«Жена в больнице, а ему до фени». Нора Адамян. Трое под одной крышей.

«Работягам были до фени перлы нашего стиля». М. Веллер. Голубые города.

«Все обиды теперь – до фени... / Точно кайф мечты наизусть». А. Вознесенский. Тьмать.

«Наши политические слезы очереди были до фени». Е. Евтушенко. Волчий паспорт.

«...представьте себе нормального моряка, которому гуманитарные размышления до фени». В. Конечский. Последний рейс.

«Им же все до фени. Кому здесь нужны люди искусства, милый мой?!» В. Смехов. Записки на кулисах.

«Да как тебе сказать, Блинов. Всем все до фени. Полное равнодушие...» И. Штемлер. Универмаг.

В одном примере фразеологизм *до фени* выражает увеличенную меру количества для предмета речи: «Лекарств у него там до фени, каких хочешь, но на все случаи жизни – зеленка и пирамидон». Г. Владимов. Три минуты молчания.

Имеются случаи игры омонимами *феня* как фразеологический синоним фонаря и лампочки и гипокористической формы женского имени *Феня* (От Феодосия, Федосья). Ср.: «На субботник?.. Можно на субботник, только по этому делу до жены моей, до Фени, до Фенички. Озеленение?.. Деревья обкопать?.. Чудное дело. А как же. Только с этим не ко мне, а к жене моей. До Фени. До Фенички. Она разберется». М. Жванецкий. Феня, моя жена.

В имеющемся опыте этимологического объяснения этой группы фразеологизмов сделана попытка объединить несколько идиоматических единиц: «Под ядерной феней при этом понималась легкодоступная деревенская девушка, которой в городе приходилось идти на панель и поджидать своих клиентов «под фонарем» [8, с. 720]. В.М. Мокиенко связывает этот синонимический ряд фразеологизмов вместе с более редкими формами (*до форточки, до потолка, до жердочки, до мушки, до лампы*) с польскими идиомами, видя в них основу для русских [9, с. 315-322], однако же *феня*, занимающая столь важное место в количестве и лингвокультурной составляющей примеров, в славянских аналогиях не присутствует.

Против такого объяснения говорит сразу несколько фактов. Во-первых, сами эти выражения не относятся ни к бытию деревенских девушек в городе, ни к началу эры газовых или электрических фонарей при панели, т. е. на тротуаре. Во-вторых, нигде в примерах *Феня* и *фонарь* не образуют единства, что с неизбежностью имело бы место, если бы тут и в самом деле шла речь о девушке под фонарем. Стало быть, трансформации компрессии фразеологизма тут усматривать не приходится. В-третьих, легкодоступные девушки никак не засветились с частотными именами в идиоматике у себя дома в деревне. Синонимическая замена *до фонаря* – *до лампочки* очевидна, как очевидны и морфологические варианты *до фени* – *до феньки*, причем, по нашим данным, первый вариант *до фени* – вообще не данный словарем В.П. Жу-

кова, М.И. Сидоренко и В.Т. Шклярова, встречается почти в 10 раз чаще варианта *до феньки*. Последнее, однако, мало что дает для этимологических поисков.

В чем же тут дело?

Заметим сразу же, что интересующая нас *феня* не имеет никакого отношения к аналогичному компоненту идиомы *по фене ботать*, которое, как мы полагаем, является арготическим преобразованием словосочетания «по офене работать» – с усечением первого слога каждого слова как приемом тайноречия. Это предположение сразу отсылает нас к истокам блатной «фени» – к вариантам тайного языка офеней-бродячих торговцев и ремесленников и выпадает из оборота при анализе материала интересующего нас синонимического ряда *до фени – до лампочки*.

Как мы полагаем, происхождение оборота *до фени* связано не с личным именем Феодосия – Феня, а с символикой начальной буквы этого имени в дореформенном написании до 1918 г. Это имя писалось с начальной *ѳ* – фитой. Символика этой буквы в русской лингвокультуре в общем хорошо известна, и мы можем на ней не останавливаться [10].

Совершенно очевидно, что прекрасно известное гоголевское *фетюк*, образованное по той же модели, от которой образуются в общенной лексике пренебрежительные названия мужчин. В.Г. Белинский отметил: «Особенное неблаговоление благовоспитанного рецензента навлекло на себя слово *фетюк*, употребленное Ноздревым, и при нем, в выноске, объяснение автора, что «фетюк, слово обидное для мужчины, происходит от буквы *ѳ*, почитаемой некоторыми неприличною». (Журнальные и газетные заметки 1843 г.) Это слово встречается у Д.В. Григоровича, А.В. Дружинина, Ф.М. Достоевского, О.И. Сенковского и уходит в XX в., оставаясь по крайней мере в первой половине XX в. изредка употребительным.

Специфические сниженные ассоциации на букву *ѳита* отмечаются в текстах первой половины XIX в.: «Здесь старик с лицом печальным / Букв славянских красоту / Мажет золотом сусальным / Пресловутую *ѳиту*» А.Ф. Воейков. Стихотворения. Известен водевиль П.С. Федорова «Аз и ферт», муссирующий тему *ѳиты* в мужских именах и фамилиях. В 1887 г. А.П. Чехов писал своему дяде М.Е. Чехову «Если б от меня зависело, я

упразднил бы и *ять*, и *ѳиту* (дурацкая буква!), и *ижицу*, и *и*». А.П. Чехов. Письма.

Обнаруживается не так уж мало примеров и со словом *фетюк*, и с его синонимами, содержащими начальную *ѳиту*, ср. «Перехавши границу, русский культурный человек становится необыкновенно деятельным. Всю жизнь он слыл *ѳатюем*, *фетюком*, *ѳалалеем*; теперь он во что бы то ни стало хочет доказать, что по природе он совсем не *ѳатюй*...». М. Салтыков-Щедрин. За рубежом.

«...он женится и является здесь не рассудительным молодым человеком, а влюбленным простофилюю, или – как Гоголь говорил – «*фетюком*». Н. Лесков. Карикатурный идеал.

«Вот и все равно, что «родственная жвачка», с тем преимуществом, что не выйдет новой сплетни и нового ожесточения бабьих сердец, которым *Фетюки* – мужья с одной и с другой стороны не умеют сказать мудрое и спасительное «цыц!»». Н.С. Лесков. Письмо к Н.П. Крохину от 29 октября 1888 г. (Арх. А.Н. Лескова: А.Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова).

«Тут взвоют как, / Как взноют тут: / Один: тюфяк! / Другой: фетюк! / – Как есть Фетис! / – Чуть тронь – по швам! / Один: раскис! / Другой: сплошал!». М. Цветаева. Молодец.

Во второй половине XX в. слово *фетюк* используется в исторических произведениях: «Федор Федорович только сжимал в ярости кулаки и восклицал: – Ах, Фетюк, Фетюк!». Л. Раковский. Адмирал Ушаков.

«С этими молодыми фетюками Демком и Иванцем не перемолвишься словом о том, что давит на сердце». П.Я. Загребельный. Богдан. «Человек должен быть блаженненьким, умственно убогим, безвольным фетюком – только таким обеспечен вход в царствие небесное». М. Колесников. Лобачевский.

Как и некоторые другие архаизмы XIX в., слово *фетюк* воскресло, ср. «Зачем только начальство приставило этого фетюка к нашему полку?» Б. Акунин. Квест. Впрочем, все последние цитаты взяты из исторических романов.

Крайне любопытен пример, где лексема *фетюк* оказывается примененной к лошадям: «Не хуже, а те – аглицкие тарабахи, а наши – тамбовские фетюки: это разница!» – «Да уж ты известный ответчик, на все ответишь, а

просто их кучер лучше умеет править». <...> Села я опять в карету, и погнали. Мирон поспевает: куда они на тарабах, туда и мы на своих фетюках, не отстаем». Н. Лесков. Полнощники.

Как мог осуществиться подобный перенос и причем тут Тамбов – не вполне понятно, возможно, проявляется постепенно затухающее представление о Тамбове как о глухой провинции, где *фетюками* оказываются даже кони.

Причины изменения графического облика слова – *фетюк* вместо ожидаемого *фитюк*, как кажется, связаны с гиперкоррекцией записи лексемы, при написании с *и* становящейся похожей на украинизм. Впрочем, написание *фитюк* известно, хотя и в поздних примерах: ср. «Проспитесь сначала, фитюк! – брезгливо ответил ротмистр». К. Паустовский. Разливы рек.

«Фитюки и щелкоперы, мыслители! Обиженного, обокраденного домовладельца Базаркина... приписали к домовым!». Владимир Орлов. Шеврикука, или любовь к привидению.

Буква *фита* в некоторых контекстах ассоциируется с окончанием чего-либо, формируя фразеологический омоним к рассматриваемому выражению, ср. «Уже на эстраде сидели, – отделами и подотделами: геологический, геогнозический, географический, геодезический, геологический; далее, далее, – хоть до «фиты». А. Белый. Москва под ударом.

Наконец, имеются примеры, где слово *фита* используется в соматическом значении, что и давало повод говорить о ее «неприличности»: «Аяй, дядя, какой ты дошлый, а ну, умудрись – пымай в ширинке блоху, вошь ли, насади ее фитой и держи за уши, пока ворона не каркнет...». А. Веселый. Россия, кровью умытая.

В непрямом значении – пренебрежительно о мужчине – лексема *фита* тоже известна: «Ишь ты, фита какая! Князя ему в вестовые». В. Сиповский. Коронка в пиках до валета.

В качестве замены лексемы *фетюк* в художественных текстах XX в. появляется морфологически производная от этого слова фамилия Фетюков, даваемая отрицательным персонажам: самый известный пример у А. Солженицына («Один день Ивана Денисовича»).

При обсуждении выражения *до фени*, *до феньки*, как кажется, ускользнуло от внимания исследователей слово *фефела* («Фефела (новг., твр., нижег., тамб.) – простофиля, разиня; толстая, неуклюжая баба» [5]), встраивающееся в ряд Фалалей, Фетис, Фатюй, также имеющее аналогии в антропонимике в виде Фефел – народная форма от Феофил, Феофилакт, Феофила, Теофила. Ср. «Пришла Проблема Пола, Румяная фефела, И ржет навеселе». С. Черный.

Итак, в ряду идиом *до фени*, *до феньки* – *до фонаря* – *до лампочки* – исторически первичным представляется первый компонент, связанный не с женским именем (эти ассоциации явно вторичны и искусственны), а с названием буквы *фита*, которая, во-первых, считалась неприличной еще до того, как это отметил в своем примечании к тексту «Мертвых душ» Н.В. Гоголь, и, во-вторых, ассоциировалась с концом алфавита (*ижшица* была конечной буквой алфавита чисто номинально, *фита* имела несравненно большую частотность). Само по себе словосочетание *до фени*, *до феньки*, очевидно, в речи было эвфемистическим синонимом тождественной по значению идиомы с обценным компонентом. Несколько позднее, когда перестали действовать ассоциации выражения *до фени* с отмененной «неприличной» и последней по ассоциациям буквой алфавита, эта идиома за счет уже не графических, а чисто фонетических ассоциаций приобрела синоним *до фонаря*, хотя слово *фонарь* писалось с «фертом».

Наконец, за счет синонимической замены идиома *до фонаря* получила еще один смысловой и стилиевой аналог – *до лампочки*, много реже – *до лампы*. Показательно, что в выстраиваемых цепочках почти полностью отсутствуют не только слова со сходным значением, но и какие-либо иные дериваты от слов *фонарь* и *лампа*.

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1972.
2. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1910–1914. Т. 1.
3. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969.

5. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Спб., 1896–1912.
 6. *Олядыкова Л.Б., Бурыйкин А.А.* «Слово о полку Игореве»: современные проблемы филологического изучения (Исследования и статьи). Элиста, 2012.
 7. *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
 8. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
 9. *Мокиенко В.М.* Почему так говорят? От Авося до ятя. Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2004.
 10. *Двинятин Ф.Н.* Об одном «буквенном» и одном «алфавитном» текстах // Лингвистические этюды. Памяти проф. А.И. Моисеева. СПб., 2004.
-
1. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. M., 1964–1972.
 2. *Preobrazhenskiy A.G.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 2 t. M., 1910–1914. T. 1.
 3. *Shipova E.N.* Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke. Alma-Ata, 1976.
 4. *Drevnetyurkskiy slovar'.* L., 1969.
 5. *Mikhel'son M.I.* Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy: v 2 t. Spb., 1896–1912.
 6. *Olyadykova L.B., Burykin A.A.* “Slovo o polku Igoreve”: sovremennye problemy filologicheskogo izucheniya (Issledovaniya i stat'i). Elista, 2012.
 7. *Zhukov V.P., Sidorenko M.I., Shklyarov V.T.* Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka. M., 1987.
 8. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. M., 2005.
 9. *Mokienko V.M.* Pochemu tak govoryat? Ot Avosya do yatya. Istoriko-etimologicheskii spravochnik po russkoy frazeologii. SPb., 2004.
 10. *Dvinyatin F.N.* Ob odnom “bukvennom” i odnom “alfavitnom” tekstakh // Lingvisticheskie etyudy. Pamyati prof. A.I. Moiseeva. SPb., 2004.

Поступила в редакцию 3.08.2015 г.

UDC 81

HISTORICAL-ETYMOLOGICAL NOTES OF RUSSIAN PHRASEOLOGY

Aleksey Alekseevich BURYKIN, Lexical Department of Institute of Linguistic Researches of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Scientific Worker, e-mail: albury@rambler.ru

It is devoted to the review of the origin of Russian phraseological units. It is proved that there were some reasons why not a phraseological approach prevailed, requiring analysis of the combination in general, but a lexical approach – interpretation of a work, which is supposed to be the core word of the phraseological unit. During the review of three phraseological units their etymology is proposed, which is not marked by any phraseological dictionary. It is proved that phraseological unit *Олх царя небесного* (sainted blockhead) – is a stable combination which is half-loan translation of Turkic title *uluγ tāngri qaγan* – “Great Heavenly King”, where the first component is borrowed and the second and the third are translated. Phraseological unit *Пирог с котятми* (that's how it is, (loan trans. cakes with kittens)) makes thinking about the reasons why these cakes are certainly with kittens, but not with a tom-cat, cat, or a kitten and why is the filling of these cakes are the kittens that is explained by the foreign influence. Idioms *До фени / до феньки, до фонаря, до лампочки* (I don't give a damn about it) are connected with symbolic of the first letter of the alphabet in pre-reformation writing before 1918, which was supposed to be improper and is euphemistic synonym to the meaning of the idiom with offensive language component. The illustrations of the examples of the texts of fiction are given.

Key words: Russian phraseological units; the origin of idiom; lingua-culturological literature.